



«Этот роман еще раз доказывает,
что шведский детектив –
сегодня № 1 в мире!»
(*Svensk Expressen*)

«История, которая началась
как роман о приобретении сексуального опыта,
с каждой страницей становится все более детективной...»
(*Göteborg Vitterhetsuänner*)

«Благодаря Эве Хансен читательницам больше
не придется выбирать между детективом и романом
о любви: ее книги – и то, и другое!»
(*Malmö Se och Hoer*)

ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ БОЛИ

«В этом эротическом детективе страсть
переплетается с преступлениями настолько тесно,
что любовь окрашивается в цвета боли...»
(*Stockholm amatör avläsningar*)

ЭВА ХАНСЕН

Эва Хансен
Цвет боли: черный
Серия «Цвет боли», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6003617
Хансен Э. Цвет боли: ЧЕРНЫЙ : Яуза, Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63903-8
Оригинал: EvaHansen, "Smärtans färg är svart"

Аннотация

«Этот роман еще раз доказывает, что шведский детектив – сегодня № 1 в мире!»

Svensk Expressen

«В этом эротическом детективе страсть переплетается с преступлениями настолько тесно, что любовь окрашивается в цвета боли...»

Stockholm amatör avläsningar

«История, которая началась как роман о приобретении сексуального опыта, с каждой страницей становится все более детективной...»

Göteborg Vitterhetsuänner

«Благодаря Эве Хансен читательницам больше не придется выбирать между детективом и романом о любви: ее книги – и то, и другое!»

Malmö Se och Hoer

Линн Линдберг только что раскрыла серию загадочных убийств, потрясших всю Швецию. Ей даже посчастливилось встретить любовь в запретном мире БДСМ. Но вскоре выяснилось, что это не хеппи-энд, а лишь начало другого – более опасного расследования... Как далеко она готова зайти и сколько еще страшных тайн скрывается за внешне благополучным фасадом Стокгольма?

Содержание

Свет и тени

6

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Эва Хансен

Цвет боли: ЧЕРНЫЙ

© Эва Хансен, 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Свет и тени

Я просыпаюсь в ставшей привычной позе: голова на плече Ларса, его рука по-хозяйски обхватывает меня, прижимая спиной к груди. Затылком чувствую его ровное глубокое дыхание, так дышат во сне люди со спокойной совестью.

Зимой в Стокгольме светает поздно, и только цифры на электронных часах показывают, что уже утро, а свет ночника не позволяет темноте, притаившейся за окнами замка, проникнуть внутрь спальни. Всю ночь падал снег – крупными хлопьями, словно новогодний, я представляю, как он укутал покрывалом все вокруг: сам замок, двор, причал и яхту, дорожку вдоль берега... Тихо, как бывает рано утром в выходной.

Стараясь не шевелиться, некоторое время лежу, вспоминая, с чего все началось...

Столько всего случилось, прежде чем я, Линн Линдберг, оказалась в объятиях самого красивого мужчины в мире Ларса Юханссона в его постели в замке на острове. Остров не только его, а вот замок личный. Недурно?

Сначала мы с моей верной подругой Бритт оказались втянутыми в журналистское расследование (которого, собственно, и не было) убийства Кайсы, но Бритт через пару дней отбыла на каникулы домой в Калифорнию, а меня прикрепили

шпионить за вот этим самым красавцем, чьи руки в данный момент крепко обхватывают мое обнаженное тело.

Нет-нет, он вовсе не срывал с меня одежду (хотя я не была бы против). Просто Ларс научил меня не стесняться, но помнить о границе, за которой можно потакать своим тайным желаниям. Граница – дверь спальни, за закрытой дверью можно все, что не противно, по эту сторону и с ним наедине я распутница, Ларс быстро и легко доказал, что под моей оболочкой скромницы прячется порочная натура, и научил сбрасывать оковы. Конечно, пока не до конца, но я делаю несомненные успехи, ванильный секс в миссионерской позе уже не для меня, мне понравились колечки в груди и даже порка и разные фишки БДСМ.

Это наша с ним тайна, делающая ближе друг к другу. О тайне знает только Бритт (как же без нее?).

На моем месте хотели бы оказаться многие, если вообще не все женщины, для которых слово «секс» не ругательство, а напоминание о чем-то приятном... Дело в том, что Ларс умопомрачительно хорош собой, прекрасно сложен, а уж об омутах стальных глаз, у которых тысячи оттенков и в которых прочно поселились веселые чертенята, и говорить не стоит, их магия вообще за гранью разумного. Женская половина человечества неизменно растекается сладкой патокой у ног Ларса Юханссона.

Но Ларс выбрал меня, почему – не знаю, надеюсь надолго, потому что, если он меня бросит, я умру. Сразу умру, даже

мучиться не буду. Ни у кого другого нет таких рук, таких губ, ну и... ладно не буду перечислять чего еще, потому что от одного воспоминания о квадратиках его брюшного пресса у меня сводит низ живота.

Еще он богат, причем по-настоящему, умен и образован, но это уже вторично. Главное – его стальные глаза и... и то, что он Ларс! Второго такого нет и быть не может.

Кроме приятных сторон нашего знакомства (о-очень приятных) имеются и крайне неприятные. У меня появился смертельный враг – та самая Анна-Паула Свенссон, которая прикрепила меня к Ларсу. Пока она жива и скрывается от полиции, я жить спокойно не смогу. Она едва не убила меня, а еще подстроила так, что едва не убил Ларс. Анна-Паула вообще преступница, но ненавижу я ее не за покушение на мою жизнь, а за то, что несколько лет назад она смела быть любовницей Ларса!

В моем перечне смертных грехов это самый страшный грех, достойный соответствующей кары. То, что они много лет не виделись, ничего не значит, когда-то Ларс обнимал наглуую Анну-Паулу, чего вполне достаточно для смертного приговора ей! Я просто обязана задушить эту дрянь собственными руками. Меня поймут все, кто хоть раз в жизни бывал влюблен по уши.

Бритт со мной согласна и готова поддержать в поимке и уничтожении Анны-Паулы, потому что полиция сделать это,

как видно, не способна. Если за дело берется моя неутомимая подруга, итак много пропустившая из-за каникул в Калифорнии, можно не сомневаться, что век Анны-Паулы недолог. Мы еще не придумали, что с ней сделаем, когда поймем, но участь нахалки, посмевавшей любить моего любимого, будет ужасна. Будь она мужчиной, кастрировали бы, а вот как быть с женщиной?.. Ладно, к тому времени, когда изложим, что-нибудь придумается...

Конечно, Ларс не должен подозревать об истинных причинах моей ненависти к Анне-Пауле. Он вообще считает, что наше с Бритт страстное желание поймать и четвертовать нахалку опасно для нас же, потому мы старательно делаем вид, что обо всем забыли. Вряд ли Ларс верит в эту фальшивую амнезию, но пока молчит.

На часах сменились цифры, высветив 7:00. Самое время вставать и одеваться для утренней пробежки. Но сейчас я не бегаю, как делала раньше. Виной всему Ларс, у нас настолько чумовой секс дважды в сутки, что лишних калорий просто не остается, а зарядки для ног лично мне хватает и без пробежки.

От мысли о причинах изменения моего распорядка дня внутри начинает что-то шевелиться. Ларс прав: настоящая распутница, ненасытная и... Ладно, обойдемся без эпитетов. Думаю, если умело разбудить тайные желания, абсолютное большинство женщин окажутся такими же.

– Ты почему не спишь?

Я вздрагиваю. Ларс лежал так тихо, что, когда он проснулся, я не уловила, не было ни малейшего непроизвольного движения, которое делает человек, переходя от сна к бодрствованию.

– А ты?

Он поворачивает меня к себе.

– Линн, я так боюсь тебя потерять...

– Но почему ты должен меня терять?

Если честно, в сердце заползает какой-то противный холодок. Что это, столько дней он твердил, что я его и только его, а теперь вдруг речь о потере? А вдруг Бритт права и я ему просто надоела из-за излишнего послушания? Бритт вообще зовет меня левреткой с тапками в зубах. Такое послушание непривычно для меня самой, я скромница, но не амеба, а вот рядом с Ларсом иначе не могу, расплываюсь мороженым на горячем, как и все остальные. Неужели и правда надоела?!

Что за глупости, тогда он не стал бы ничего говорить, спустил наши отношения на тормозах и все... Нет, здесь другое.

– Ну и к какому выводу привел мыслительный процесс?

– Что? – я даже вздрогнула. Задумавшись, совсем забыла, что Ларс наблюдает. – Почему ты должен меня потерять?

Это не вопрос, а попытка скрыть собственные мысли.

– Скоро начинается учебный семестр.

Тоже мне новость! Можно подумать, я об этом забыла.

– Мне предложили прочесть цикл лекций в Оксфордском университете.

– Вау! – я даже сажусь.

– Вот тебе и вау. Лекции два раза в неделю. – Ларс смотрит на меня вопросительно.

– Ну?

– Это означает, что я буду прилетать домой только на выходные.

А вот это плохо, но как я могу сказать что-то против? Не каждый день даже хорошему специалисту предлагают читать лекции в одном из лучших университетов мира.

– Я пока не дал ответ, хотел посоветоваться с тобой.

– Ларс... – Из глаз готовы брызнуть слезы, но я героически держусь. – Ларс, это очень плохо, что тебя не будет по пять дней в неделю, но не стоит отказываться!

– Я боюсь за тебя.

Я удивилась вполне искренне:

– А почему за меня?

– Боюсь, что ты начнешь заниматься не своим делом и попадешь в какую-нибудь историю.

– Клянусь не влипнуть! – Глупо, но рука сама собой легла на сердце, словно подтверждая серьезность клятвы.

– Лучше поклянись вообще этим не заниматься.

– Ларс!

– Что «Ларс»? Думаешь, я не понимаю, что ты начнешь творить в мое отсутствие? Однажды уезжал на неделю, так

ты в лайкру оделась и поркой занялась.

Он встал, но, щадя мою все еще наполовину скромную натуру, успел обернуть полотенце вокруг талии. Как намекнуть, что я вовсе не против отсутствия этого самого полотенца?.. Может, хватит играть в скромницу и лучше дать полную волю собственным тайным желаниям? Но требовалось срочно отвлечь его от лайкры и того, что ей сопутствовало.

– А где ты будешь жить в Оксфорде? – голос почти медовый, это чтобы увести его от ненужных мыслей.

– Если ты сейчас не обещаешь ни во что не впутываться, то нигде.

– А если обещаю?

– Не знаю... Там хороший отель Vanbrugh House рядом с университетом, наверное, в нем. Так как насчет обещания?

– Зачем оно?

В серых глазах смешинки:

– Ты предельно честна, крутишься как угорь, но слова не заниматься сыском не даешь. Вообще-то, правильно, потому что все равно нарушишь. Ладно, я что-нибудь придумаю и просто заберу тебя с собой.

– Вот еще!

– Почему ты не хочешь ехать со мной? – Он ставит меня на ноги и приподнимает лицо за подбородок, заглядывая в глаза. Ой, это один из самых действенных приемов, напрочь лишаящих меня способности сопротивляться.

– Ларс, я...

– Ну что ты? – Губы чуть касаются моих губ, это дразнилка-соблазняялка, потому что в ответ внутри немедленно поднимается сумасшедшая волна желания.

– Мне действительно будет плохо и грустно без тебя целую неделю... – Я не лгу, потому что и пара часов без Ларса теперь кажется пожизненным сроком без права посещения. Интересно, есть такие в тюрьмах?

– И не одну, заметь.

– Я буду плакать, тосковать... Но никогда не прощу себе, если ты откажешься от такого предложения. Не отказывайся, не стоит.

– Линн...

– Ларс, правда, не отказывайся. – У меня снова готовы брызнуть слезы из глаз, но я креплюсь. – Я буду так гордиться тобой! У тебя много знакомых в Оксфорде?

– Как и везде. Если ты имеешь в виду девушек, то не очень, – глаза откровенно смеются, – но тому, что ты меня ревнуешь, я рад. А теперь скажи честно, чего ты сейчас хочешь.

– Я?

Приходит моя очередь изображать изумление, но именно изображать, потому что он видит меня насквозь, и фальшь преувеличенного удивления тоже.

– Угу, ты. Не желаешь озвучить? Ладно, я скажу сам. Ты хочешь, чтобы я взял тебя вместе с собой в душ...

Все это произносится в то время как Ларс действитель-

но несет меня, перекинув через плечо. Я болтаю в воздухе ногами, но сопротивляюсь не слишком. Какой надо быть душой, чтобы отказаться от совместного душа с умопомрачительным сероглазым красавцем, квадратики брюшного пресса которого сводят меня с ума. Я давно усвоила, что принимать душ вместе с Ларсом значит побывать на седьмом... нет, двадцать седьмом небе.

Для начала он окатывает меня водой, потому что целоваться и заниматься сексом под водяными струями куда приятней, нежели просто в постели. Не пробовали? Советую...

Потом притискивает к стенке душа и начинает целовать. Медленно, дразня и маня, сначала едва касаясь губами виска, щеки, уха, шеи... губы под запретом, потому что, если они сольются, остальное произойдет мгновенно, а нам обоим хочется растянуть вожделенное удовольствие...

Но разве дразнить, играя языком колечками пирсинга в моей груди, это не садизм?

– Ла-арс...

– У?

– Я не могу больше!

– Терпи!

Голос чуть хриловат, выдает его собственное нетерпение.

Язык играет колечком, одна рука держит мою спину, вторая поглаживает то, что пониже ее... Я выгибаюсь дугой, вцепившись в его плечи, иначе на ногах не удержаться, пото-

му что колени подгибаются. Дыхание через раз и с задержкой...

Медленно, страшно медленно его губы опускаются до моей талии, счет времени потерян, о существовании мира снаружи забыто напрочь, нам он совершенно неинтересен.

Когда Ларс наконец возвращается к моему лицу и принимает к губам, кажется, прошла целая вечность. Я обвиваю его ногами и руками и отдаюсь волне сумасшедшего желания, в очередной раз мысленно обещая, что больше не позволю ему так долго меня дразнить. Но Ларс и тут умудряется оттянуть решающий момент. К тому времени, когда нас обоих все же накрывает эта последняя волна, проходит еще одна вечность. Какие они длинные, эти вечности, особенно в конце! Но я не против, потому что восторженное ожидание блаженных мгновений и страстное желание испытать оргазм ничуть не хуже самого оргазма.

– Не смей закрывать глаза!

– Что? – Оглушенная страстью, я почти ничего не слышу, а соображаю и того меньше.

– Смотри на меня, когда кончаешь.

– Зачем? – я действительно не понимаю.

– Смотри мне в глаза! – почти рычит он, и я послушно тарашусь в его стальные омуты. Нет, я тону в них, ничего не видя вокруг, отдавая тело на волю сумасшедшему желанию, а душу этим серым глазам.

Кажется, кричу, но мне все равно, даже если начнут

ломать дверь привлеченные моими воплями бабушка или Бритт. Ничто вокруг не существует, кроме стальных глаз и этого тела. Моего собственного не осталось, оно растворилось, как воск в пламени свечи, нет, в ревущем огне огромного пожара. Я расплавилась, сгорела полностью, но возрожусь, как птица-феникс, это уже не первый раз.

У Ларса на плече следы от моих пальцев, но это небольшие травмы, если бы он не заставил смотреть в глаза, я, пожалуй, умудрилась бы вообще его покусать.

– За... зачем ты заставляешь меня смотреть в глаза?

– Я? – кажется, он удивился вопросу. – Не знаю, просто хочу, чтобы ты принадлежала мне вся – телом и душой.

– Я и так принадлежу.

– Помолчи...

Мы стоим под потоками воды, приходя в себя. Немного погодя я чувствую, как у Ларса снова пробуждается желание. Безумно устала, но одна мысль о возможном повторении заставляет ходить ходуном все внутри, я прекрасно понимаю, что, стоит ему начать снова, я с восторгом поддержу это начинание.

Так и есть.

– На ковре!

– Угу, – я вовсе не против ковра и пола...

– Ты сверху.

– Ларс...

– Трусись?

Ах так?! Ну держись, я не потеряла навыков с рождественской ночи, когда выполнила желание Ларса получить в качестве подарка «под елочку»... изнасилование. Хочешь еще одно? Я вполне способна его изнасиловать, если он не против, конечно.

Ларс «за» обеими руками и... еще много чем.

– Не смей закрывать глаза!

– Мне так легче... – почти жалобно пишу я, мне действительно так легче.

– Хочу видеть твой безумный взгляд, когда ты кончаешь. Ты так хороша в этот момент!

Мелькает мысль, что он умудряется еще что-то замечать, но ее тут же вытесняет новая бешеная волна желания, думать я уже не способна. Сверху так сверху, и пусть смотрит сколько влезет! Сам же научил за закрытой дверью спальни слушать свое тело, а не пуританские правила приличия. С тех пор как Ларс безжалостно разрушил мой собственный плотный кокон из всевозможных моральных запретов и ложной скромности, каждый наш секс стал просто чумовым, это взрыв, сносящий крышу пару раз в день. Мне больше не требуется бегать, чтобы похудеть.

И снова мой взгляд прикован к его стальным омутам, но теперь я вижу и в его глазах такое же безумие. На сей раз следы, кажется, останутся у меня на талии, потому что руки Ларса держат крепко, очень крепко, помогая двигаться в од-

ном ритме с ним самим. Я не ору на весь замок только потому, что прикусила губу, до крови прикусила...

Выясняется это, когда все заканчивается и я просто падаю на ковер, не в силах двигаться вообще. Мне все равно, как это выглядит, что происходит вне комнаты, что вообще творится в мире. Некоторое время мы лежим, совершенно обессиленные, потом Ларс переворачивает меня на спину, наклоняется к лицу:

– Эй, ты жива?

– Не уверена.

– Губу прокусила.

Он слизывает кровь, чуть покусывает пострадавшую губу, но не больше, мы устали, требуется отдых. Или просто передых?..

Скажи мне кто еще пару месяцев назад, что я способна буквально рычать, сидя на парне верхом, обозвала бы придурком. Но, кажется, жизнь способна разрушить еще и не такие «твердые» убеждения...

* * *

– Эй, эй! А ну, пошел вон! Это наше место!

Йен мог себе это позволить: вот так орать на рослого, крепкого парня, потому что они с Якобом стояли на мосту, в то время как парень что-то искал на берегу у самой кромки воды. Была надежда удрать, если тот, кому пригрозил Йен, решит погнаться за нахалом.

Конечно, чисто одетый парень, чья очень приличная машина осталась на дороге у моста, не мог быть конкурентом двух бомжей, обычно промышлявших на берегу. Эти два пенсионера вовсе не были бездомными, у каждого имелось жилье, но, оставшись без работы, они решили вспомнить молодость и немного пожить как хиппи, что летом получилось довольно просто. Почувствовали вкус вольной жизни, втянулись и вот теперь, сами не зная почему, практически бомжевали, ночуя где попало и питаясь благотворительными обедами. Оправдание нашли очень простое:

– Йен, ты представляешь, как вырастет наш счет в банке, пока мы живем на природе и не тратим пенсию!

Глупость, конечно, но что им делать в одиночестве дома? А так вспомнили буйную молодость шестидесятых.

В бездомной жизни прошло лето, потом осень, началась зима...

Сначала парень погрозил кулаком, заметив, как разглядывают его машину старики, потом вдруг замахал им руками:

– Идите сюда!

– Не ходи, – посоветовал приятелю Якоб, на всякий случай прячась за его спиной. Но Йен не из пугливых, во всяком случае, так он сам о себе думал.

Старик смело шагнул к парню:

– Ну, чего тебе?

– Вы часто здесь бываете?

– Нет...

– Ты же сказал, что это ваше место?

– Ну, бываем, а что? – несмотря на воинственный настрой, Йен на всякий случай сделал шаг назад. Мало ли что придет в голову этому накачанному...

– Не находили чего-то необычного?

– Чего это?

Вообще-то, необычное, даже страшное, было – они нашли труп девушки, который сбросили с моста в воду. Сначала увидели какую-то ткань, зацепившуюся за опору моста, решили, что это плед, и даже рассердились на тех, кто разбрасывается такими вещами. Но когда Йену удалось подхватить находку крюком, который у приятелей был припрятан на случай, если посреди реки попадется что-нибудь стоящее, стало ясно, что в ткань что-то завернуто. Содрогаясь от собственной храбрости, они подтащили это нечто ближе к берегу и... Лучше бы оставили там, где было, пусть бы, отцепившись, пошло ко дну, потому что завернутой в большой плед оказалась утопленница. Ни Йен, ни Якоб даже разглядеть женский труп не смогли, но в полицию позвонили, они же законопослушные шведы...

А потом были полицейские с их расспросами: что, да как, да почему? Больше месяца приятели обходили то место стороной, но как преступников тянет к месту преступления, так и их тянуло к мосту.

Теперь вот этот... Он сильный, очень сильный, такой мог

одной рукой справиться с Йеном, а второй с Якобом, причем одновременно. Приятели не стали проверять эти возможности и его способность быстро бегать тоже, но и рассказывать о трупe почему-то не стали.

– Так было что?

– Ничего... А ты чего ищешь-то? Что потерял?

Несколько мгновений парень внимательно изучал обветренные лица приятелей, потом фыркнул:

– Запонку!

– Запонку? – изумился Якоб, а Йен уже энергично мотал головой:

– Не, запонки здесь не валялись.

– А что валялось?

– Пустые бутылки... окурки... разная дрянь... не, запонки не валялись.

Парень зло дернул плечом и зашагал к своей машине. Приятели молча наблюдали, как он удаляется.

– А хорошо, что мы ему ничего не рассказали.

– Хорошо, – кивнул в ответ на глубокомысленное замечание друга Йен, – но лучше сюда не ходить. Может, это его девушка была?

– Ага, и он ее потерял.

– Пойдем, ну его, этот мост.

Бомжи поспешно, насколько могли, удалялись от опасного места. Реки и мосты через них, конечно, хорошо, но иногда там встречаются страшные находки...

Расследование убийства Кайсы Стринберг и ее подружки Бригитты Ларсен, повешенных с попыткой имитировать неудачное БДСМ-самосвязывание, а также Марты Бергер, труп которой ее работодательница Анна Свенссон пыталась выдать за свой собственный, зашло в тупик. Трупов больше, чем в кровавых фильмах Квентина Тарантино, а следствие ни на шаг не продвинулось в раскрытии убийств.

– Что мы знаем? – риторически поинтересовался сам у себя следователь Даг Вангер и со вздохом констатировал: – Ни-че-го!

Это было не так, они знали имя преступницы – Анна Свенссон, но та сбежала. Однако Свенссон (или, как ее звали в действительности, Паула Якобс) явно причастна только к третьему убийству, а еще к гибели полицейского во время побега, утверждать о ее виновности в первых двух случаях Даг не мог.

В Управлении не любили нераскрытые преступления, где их любят? А еще не любили, когда следователи подолгу занимались чем-то, что остается нераскрытым, это выглядело как безделье. Потому Вангеру и его помощнице Фриде Волер подсунули сначала одно, потом другое, а потом еще парочку мелких дел. Они успели со всем справиться между прочим, честно говоря, больших загадок там не было, но теперь требовалось написать по закрытым делам отчет, то есть заняться тем, что Даг Вангер не любил больше всего. Он предпочел

бы ломать голову над поведением неведомого преступника, даже лежать в засаде по горло в грязи или ночью в мороз обследовать место преступления где-нибудь на берегу залива, но только не сочинять казенные фразы, описывая собственные действия.

Понимая, что писать все равно придется, Даг со вздохом уселся за компьютер.

И Фрида куда-то запропастилась... Можно подсунуть отчет ей, девушка не отказалась бы, но Вангер понимал, что это нечестно, три отчета Фрида уже настучала на клавиатуре сама, оставив Дагу дело попроще.

Девушка словно почувствовала, что Дагу скучно без нее и без убийств.

– Даг, наши отпечатки засветились...

Вангер на мгновение вскинул на появившуюся в кабинете Фриду глаза и снова уткнулся в клавиатуру, на которой набирал текст двумя пальцами, разыскивая каждую букву:

– Твои. Я свои всегда стираю после того как кого-то укрошу.

– Не ты ли твердил, что чем больше зацепок, тем лучше? Получай: их обнаружили в деле о девушке, которую нашли под мостом утопленной, помнишь? Это пальцы Бригитты.

Даг ворчливо вздохнул:

– Даже кофе не принесла вместе с такой гадкой новостью...

– Ладно, сейчас принесу.

– Я не занимался этим, но что-то слышал. И где у утопленниц можно найти отпечатки пальцев? – Палец замер над клавишей, словно не решаясь опуститься на нее, пока не прозвучит ответ.

– В брошенной машине, которая привезла труп к воде. Там старательно все вытерли, но какая-то женщина оперлась о стекло, придерживая дверь, видно, было неудобно вытаскивать что-то или кого-то из машины.

– Так... давай все сначала. Я не знаю этого дела. – Вангер отодвинул клавиатуру, которую для удобства подключал даже к ноутбуку.

Фрида кивнула:

– Я схожу за кофе, а дело сейчас принесет Кевин Эк. Боюсь, это грозит нам осложнениями.

– Какими еще?!

– Ты же знаешь, как не любят безнадежные дела без малейших шансов на раскрытие, особенно связанные с убийствами. Даг, постарайся, чтобы нам не спихнули и его. – Чтобы произнести вторую фразу Фриде понадобилось сделать шаг назад и откинуться, выглядывая из-за двери.

– Ну уж нет!

– Так я тебе и поверила... – вздохнула девушка.

Когда через десять минут Фрида вернулась в кабинет с тремя стаканчиками кофе в руках и большим пакетом с булочками в зубах, из-за чего даже дверь пришлось открывать

ногой, Вангер и Эк уже голова к голове изучали материалы дела об утопленнице.

– Эй, а почему без меня?!

– Ты отсутствовала.

– Всего десять минут, могли бы и подождать. Тем более ходила за кофе для вас же.

– Присоединяйся.

Эк принял стаканчик с кофе, в знак благодарности мотнул своей кудлатой головой, не отрывая взгляда от экрана монитора.

– Так! – Фрида возмутилась уже по-настоящему. – Или я в деле, или просто ухожу.

– Кевин, рассказывай все сначала, – распорядился Даг, беря у Фриды второй стаканчик.

Оказалось, труп девушки обнаружен бомжами вскоре после утопления, это удачно, немного погода все затянуло бы снегом и льдом до весны, зимние утопленники всплывают, только когда тепло. Нашлась и брошенная машина. Стопроцентной уверенности, что именно на ней привезли труп к воде, не было, но группа крови погибшей совпадала с группой крови следов в машине. Все зыбко, неточно, дело казалось безнадежным. Единственные найденные пальчики принадлежат неизвестно кому, вернее, теперь известно – убитой позже Бригитте Ларсен.

Кевин кивнул на экран:

– Парни написали хорошую программу, благодаря кото-

рой не нужно долго и нудно сравнивать отпечатки с теми, что имеются в картотеке, теперь это делает машина. Заложил полученные пальчики, и она через пару секунд выдаст, где такие встречались, если уже встречались. Мы теперь загружаем все подряд отпечатки, какие находим на местах преступлений.

– Ну и?..

– В машине на стекле обнаружили отпечатки двух пальцев, все остальное стерто, а эти пропустили. Они совпали с вашими.

– Не нашими, а Бригитты Ларсен, – наставительно произнес Вангер.

– Да, конечно, – смутился Кевин.

Даг махнул рукой Фриде:

– Пей кофе, и пойдем к патологоанатомам, посмотреть, что там у них. Чует мое сердце, все дела свалят в одну кучу.

– Угу, и повесят на нас. Чего я и боялась.

Они оставили булочки и недопитый кофе Кевину и отправились в морг судмедэкспертизы. Нелепо тащить туда стаканчики с напитком.

– Этим трупом занимался Адам, – кивнула в сторону молодого человека симпатичная эксперт, с интересом и почти сочувствием косясь на Дага.

Вангер не раз размышлял, почему патологоанатомами так часто бывают красивые женщины? Ему казалось, что запах

смерти не выветривается, к нему можно привыкнуть и не замечать, но от него невозможно избавиться. Неужели вот эта женщина, с которой Даг иногда сталкивался в коридорах, но еще ни разу не работал вместе, не задумывается о запахе? А как она воспринимает мужчину, с которым спит, как труп?

От глупых мыслей его отвлек подошедший Адам. Вот кто типичный ботаник, из тех, для кого смерть всего лишь повод что-то изучить, а труп – объект научного наблюдения. Но Вангер знал, что это только на работе, даже завидовал Адаму, у которого трупы отдельно, а нормальная жизнь отдельно. Вне рабочего места парень общительный, веселый, с хорошим чувством юмора, а будучи одетым в халат и маску, в перчатках становился въедливым и спокойным, как машина. Умная машина.

– Я знаю, о ком вы хотели бы услышать. Девушка...

Договорить не успел, у Вангера зазвонил телефон. Глянув на экран, Даг сделал знак, чтобы Адам подождал. Звонил руководитель отдела Микаэль Бергман:

– Даг, ты где?

– Мы с Фридой у патологоанатомов. Тут интересные новости.

– Я знаю, – вздохнул Бергман. – Бери Фриду, и приходите ко мне. Сейчас.

– Началось... Фрида, пойдем, все это, – Вангер кивнул на закрытые полки холодильника морга, – позже.

– А если труп отправят на захоронение?

– Не отправят. Если Бергман зовет, зная о новостях, значит, дела объединяют.

Они сняли перчатки, защитные халаты и очки, сбросили все в контейнер, кивнули Адаму Сандвергу, рассказ которого о трупе прервал звонок Бергмана, и отправились в кабинет к начальству.

– Мне кажется или ты доволен, что дело стараются спихнуть нам?

– Знаешь, Фрида, – Вангер поскреб шею, – иногда лучше иметь пять дел, завязанных одной ниточкой с множеством узелков, чем возиться с одним безо всяких следов. Нужная зацепка может оказаться в чужом деле. Похоже, сейчас именно так.

Фрида принялась перечислять:

– У нас два повешения, изуродованный труп женщины, двойная попытка убийства, сбежавшая преступница и два убитых полицейских из-за нее, нам не хватало утопленницы, ну и еще нескольких расчлененок... Я ничего не забыла?

Даг обратил внимание, что, считая, Фрида загибала пальцы, а не распрямляла их, как обычно.

– Какие еще расчлененки?

– Это я так, на всякий случай, вдруг и они найдутся. Ты серьезно согласен заниматься еще и утопленницей?

– Все эти дела между собой связаны, причем связаны тесно. Поймем связь – найдем виновных.

– Дай бог...

– Эй, – вдруг окликнул их Адам, – подождите меня. Тоже вызвали к Бергману, – сообщил он, догнав. – Похоже, будет общая группа.

– Непременно будет. Такого количества трупов у нас давненько не было.

Даг шагнул к кабинету Бергмана, ворча на ходу:

– Шведы что, разучились интеллигентно убивать друг друга? Повешенные, утопленные, задушенные... и это вместо нормального пистолета или винтовки.

– Ты забыл сковородку, – откликнулась Фрида.

– Какую сковородку? – изумился Адам. Ему очень нравилось, как общались Вангер и Фрида: на одной волне, словно продолжая мысли друг друга. Очень хотелось к ним третьим.

– Чугунную!

Адам обомлел:

– Что?

– Она любила его, а он любил выпить. Дочери все это надоело, и девушка избавилась от папаши при помощи чугунной сковородки, а заодно пыталась и от мамы, свалив убийство на нее.

– У нас не было такого трупа.

– Он умер в больнице, там и вскрывали... Пострадавший тоже мало походил на образец непорочности, трижды сидел то за драку, то за наркотики. Жена всегда готова поддержать его в выпивке, вот дочь и взяла решение проблемы в свои руки.

– Давненко я не видел убийств сковородками.

– А ты их вообще видел? – фыркнул Вангер. Ему вовсе не хотелось сейчас обсуждать что-либо, кроме новости с отпечатками пальцев Бригитты Ларсен, Даг нутром чуял, что начинается настоящее расследование.

Перед кабинетом Бергмана его помощница Урсула кивнула на дверь:

– Вас ждут...

Даг подумал, что не представляет Бергмана без Урсулы, наверняка они вместе пришли в Управление, Урсула знает Микаэля лучше, чем тот сам себя.

Долго размышлять о взаимоотношениях начальника отдела и его помощницы-секретаря не пришлось, Вангера и Фриду и впрямь ждали. Стоило им войти в кабинет Бергмана, где уже сидели несколько человек, как тот кивнул:

– Ну вот, все в сборе. Начнем. О веренице убийств уже знаете. Это слишком, словно все рождественские каникулы только и делали, что вешали, терзали, топили. Создается объединенная группа из следователей, экспертов, технической службы. Возглавит группу Даг Вангер. Раскрыть быстро. Как можно быстрее, – добавил он, повернувшись к Вангеру, хотя тот не произнес ни звука. – Я понимаю, что это сложно, но, думаю, вы справитесь. Вы друг друга знаете, представлять не буду. Давайте лучше озвучим все, что сейчас имеем. Итак, первый труп по времени – Кайса Стринберг.

Даг, говорить лучше тебе.

– Да, – Вангер вздохнул, скомкал лист бумаги, на котором собирался записывать то, что скажут другие, швырнул его в корзину, словно баскетбольный мяч, и потер виски пальцами. – Кайса Стринберг была повешена в своей квартире. Имитировано самоповешение. Перед тем придушена, чтобы не оказывала сопротивления и не пыталась выбраться, потому ни следов борьбы, ни беспорядка не было. Со слов соседки составлен фоторобот, который опознала Линн Линдберг. Линн Линдберг – нынешняя подружка Ларса Юханссона, первого подозреваемого. Он занимается этой дурью с веревками, – Даг покрутил в воздухе рукой, выписывая нечто замысловатое. – Вернее, занимался, все твердят, что давно бросил, но связана погибшая была каким-то хитрым способом, придуманным этим самым Юханссоном. У него стопроцентное алиби, был на виду у слишком многих, чтобы сомневаться. Получается, верить в самоубийство или несчастный случай нельзя, но подозревать некого. Если убийство, то действовали двое, потому что одному не справиться.

– Почему? – поинтересовался Адам.

– Подвесить безвольное, придушенное тело в одиночку невозможно, оно же обмякло. Второй жертвой подобного преступления оказалась подруга Кайсы Бригитта Ларсен. Тоже повешение, тоже попытка выдать за самосвязывание. Почерк похожий, свидетелей никаких.

– Это третье убийство, вторым по времени получается

утопленница, – кивнул Бергман.

– О?.. – Вангер приподнял бровь.

– Да, так и есть. Адам, расскажи, что там с трупом.

– Девушка, мулатка лет двадцати, красивая... была красивой... Документов никаких, установить личность не удалось.

– Причина смерти? – Вангер все же начал записывать, но скорее по привычке, прекрасно понимая, что через четверть часа все это будет у него на экране компьютера.

– Замучена.

– Что?

– Да, ее просто замучили, прежде чем выбросить труп в воду. Зверски замучили. Видно, пытали.

Мороз пробежал по коже у всех присутствующих.

– Ты это хотел нам показать в морге?

– Да.

– Хм... потом посмотрим. Изнасилована?

– Да, тоже зверски.

– Образцы спермы взять удалось или все испоганила вода?

– Тут такое дело... – Адам явно смущен, – ее не было.

– Изнасилование в презервативе? Это редкость. Насильник оказался весьма осторожным.

– Над ней издевались...

– О господи! – не выдержала Фрида.

– У нас маньяк?

– И не один, так одному не справиться. Там много всего.

Настроение в группе стало мрачней некуда. Бергман по-

вернулся к Кевину Эку, который занимался расследованием убийства:

– Кто обнаружил труп?

– Двое местных бомжей увидели что-то в воде под мостом.

Решили проверить, а там убитая...

– Это не рыбаки?

– Нет, бродяги. В тот же день наткнулись на брошенную неподалеку на шоссе машину. Никто ничего не видел и не слышал. В этой машине на стекле нашли отпечатки, которые совпали с вашими.

– С отпечатками Бригитты Ларсен! – рявкнул Вангер.

– Да, конечно, – смутился теперь уже Адам, которого, в общем-то, отпечатки не касались.

– Кому принадлежит машина?

– Хозяина нет в Швеции, отдыхает в теплых краях. Машину угнали.

– Поскольку в машине отпечатки Бригитты Ларсен, значит, после гибели подруги она участвовала если не в убийстве, то в избавлении от трупа, – заметила Фрида. – Когда мы беседовали с ней дома, Бригитта явно была чем-то напугана, хотя свой страх старательно скрывала. Может, это и есть разгадка?

Бергман посмотрел на девушку с одобрением. Полезная находка для отдела, Фрида сообразительная и наблюдательная. Они с Вангером должны хорошо сработаться. Неожиданно для себя Бергман подумал: «...и не только...»

– Ну что ж, – Вангер закончил делать пометки в своем блокноте, поднялся, – у нас куча очень странных трупов, сбежавшая соучастница всех этих дел Анна Свенссон, двое убитых при ее освобождении полицейских, несколько исчезнувших лиц, занимающихся черт-те чем, и компания маньяков, зверски замучивших девушку. Многовато для начала, хотя боюсь, что это действительно только начало. Похоже, там банда, которая увлекается какими-то зверствами, и мы увидели только айсберг. Кайса Стринберг и Бригитта Ларсен явно были с ней связаны.

– Даг, если будет мало людей, выделим еще. Вы можете занять под свои совещания малый конференц-зал. Нам удалось все скрыть от прессы, если не объявится новый любопытный, как тот... как его?

– Курт Малунгер.

– Да, кстати, он не сбежал?

– Он единственный, кроме подружки Юханссона и самого Юханссона, кто никуда не делся и готов сотрудничать.

– Хорошо, думайте, только не тяните время, не то снова кого-нибудь убьют.

Вангер поморщился. Один маньяк плохо, а уж целая компания...

– Всем быть в пределах досягаемости, никаких выходных или ухода домой без моего разрешения. Мы на особом положении, пока не поймаем эту сволочь. Адам, пойдем посмотрим трупы. Фрида, ты со мной, остальным пока на своих ме-

стах изучать материалы дел и работать мозгами, может, заметите что-то пропущенное, так бывает.

Если честно, Даг не любил большие группы, предпочитая во всем разбираться сам. Нельзя, чтобы один занимался левой половиной трупа, а второй – правой, тогда обязательно что-то упустят. Он должен сам, все сам... Разве что техническая поддержка важна: патологоанатомы, компьютерщики, специалисты по пальчикам или ДНК... А следователь должен быть один, нет, лучше пара, но вместе. Вот как они с Фридой.

Из-за этого нежелания полагаться на других и во все лезть самому Вангер слыл волком-одиночкой, а из-за привычки смотреть так, словно допрашивает, даже если интересовался, который час, его и вовсе побаивались.

Наверное, поэтому на Фриду, согласившуюся работать с Дагом в паре, посматривали с удивлением. А сама Фрида искренне не понимала, чего можно бояться у Вангера и почему остальные не видят его добродушия, скрытого за показной строгостью. Они были хорошей парой в работе, могли бы стать такой же и в жизни, но обоим в голову не приходило сделать первый шаг, Дагу из-за полного неумения очаровывать противоположный пол, а Фриде из-за восприятия Вангера как старшего и опытного наставника.

Но опытный Микаэль Бергман, прекрасно зная и строптивый нрав Дага, и его феноменальную способность раскрывать безнадежные дела, все организовал верно. В группе со-

брались в основном помощники, те, кто станет подспорьем, но не будет гнуть свою линию или мешать.

– Даг, Фрида, задержитесь на минутку, – окликнул подчиненных Бергман.

Закрывая за ушедшими сотрудниками дверь в кабинет Бергмана по его просьбе, Вангер обратил внимание на то, как тревожно покосилась Урсула. Чего боится помощница Бергмана, что обидят ее начальника? У Микаэля хорошая защитница, и в кабинет не пустит, и надоест не позволит...

Бергман как-то сокрушенно поскреб затылок:

– Тут такое дело... Вы садитесь, садитесь, что встали?

Сам сел, вытер шею носовым платком, словно на улице жара, чуть помолчал, почти горестно вздохнул и, наконец, поведал:

– Похоже, девушка была замучена не просто так, а ради снафф-видео... Это когда женщин или детей пытаются перед камерой, а потом видео продают богатым.

– Но считается, что снафф-видео выдумка, а снафф-фильмы просто постановочные трюки? – удивилась Фрида.

– Боюсь, что это не так. Дыма без огня не бывает, не все ролики трюковые, тем более мы не видели тех, которые не выкладывают в Интернет. Пресыщенные люди готовы платить за любой повод для выброса адреналина, а если готовы платить за снафф-видео, значит, оно существует. Взяли тут одного богатенького... за другие дела, у него в библиотеке

нашелся такой фильм, свеженький причем. Банкир заявил: дескать, не ведает, что сын в дом принес, фильм не видел и о содержании понятия не имеет, а если это и есть тот самый снафф, то трюкачество. Доказать, что знал и смотрел, не могут, где взял – не признается. Фильм, конечно, отдали специалистам, чтобы определили, трюки там или нет, но вот, посмотрите...

Бергман протянул Вангеру два снимка. Тот принял осторожно, словно грубое прикосновение могло испортить фотографии. На одной – кадр из фильма с пыткой, на второй – мулаточка из морга. Не нужно ничего объяснять – это один человек.

– Значит, не трюк...

– Нужно, чтобы никто из журналистов ничего не пронюхал, иначе те, кто это сделал, залягут на дно. Мы даже диск со снафф-видео к обвинению банкира подключать не стали, просто изъяли вместе с остальными порно и закрыли в сейфе.

– Можно копию снять?

Бергман удивленно вскинул глаза на Вангера:

– Зачем тебе, любишь пытки или секс?

– Секс? – удивился Вангер.

Фрида чуть усмехнулась:

– Потом расскажу тебе, что это такое.

Бергман с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться, пришлось даже сделать вид, что что-то ищет в нижнем ящи-

ке стола.

Даг поморщился:

– Вдруг на заднем плане обнаружится что-то, что даст подсказку?

– Сделаю копию, но чтоб только вы. Смотреть будете дома, в кабинете не держите. И молчите об этом ролике.

Когда выходили из кабинета, Урсула снова покосилась так, будто это они с Фридой снимали снафф-видео, мучая Бергмана.

* * *

Порядок в замке Ларса блюдет его обожаемый Свен. Язык не поворачивается назвать Свена слугой, нет, это настоящая нянька Ларса, решающая все бытовые вопросы. Слуг немного – супружеская пара Жан и Мари, которые выполняют ежедневную работу, для генеральных уборок приглашают клининговую компанию. Ларс живет в замке не всегда, гостей у него не бывает (если не считать постоянных налетов телевизионщиков, для которых замок – рай для съемок, но это не гости, а саранча), потому большой штат прислуги не требуется.

Меня Свен принял с первой минуты моего появления в замке тогда еще в качестве любопытной студентки, якобы собирающей материалы для диссертации о викингах. Принял и даже обрадовался нашему с Ларсом взаимному влечению. Может, предчувствовал, что это приведет к его собственно-

му роману с моей бабушкой? У бабушки со Свеном роман настоящий, чему мы с Ларсом очень рады.

Одна из страстей Свена (как и бабушки) – кулинария, но, в отличие от ба, которая запросто может пожевать стоя и прямо из чашки, в которой перемешивала салат, Свен аполонет столового этикета. Если вкушать пищу, то при полном куверте, со свечами на столе и великолепными винами. Это несложно, у Ларса прекрасный винный погреб, в чем я убедилась в первый же вечер, попросту напившись вином две тысячи евро за бутылку.

Свен накрывает стол как положено даже к завтраку, что неизменно вводит Бритт в состояние транса. Для истинной американки, готовой есть пищу из коробки и китайскую еду палочками из бумажных пакетов, видеть блюда, накрытые серебряными крышками, вереницу бокалов и фужеров (разве можно пить красное вино из того же фужера, где побывало белое?!), все эти вилки и вилочки, ложки и ложечки, цветы на столе и замысловато сложенные белоснежные салфетки с монограммой Юханссонов сродни экскурсии в прошлое.

– Вау! Как в кино...

Свен, услышавший этот возглас моей подруги, правда, произнесенный шепотом (Бритт умеет вопить театральным шепотом), сделал вид, что не заметил. Он образцовый дворецкий и вообще очень тактичный человек – все слышит, ничего не слыша, все замечает, ничего не видя.

Вот и сегодня стол к завтраку сервирован, как в дорогом

ресторане. Никаких гамбургеров, никакой китайской еды, у Свена кухня только европейская. А теперь они с бабушкой соревнуются, моя ба тоже кулинар от бога, потому нам всем грозит гибель от переедания.

Бритт нашла оправдание ежедневной застольной вакханалии:

– Это ненадолго, нам скоро на занятия, будем лакомиться только по выходным!

А вот это настоящая проблема, нет, не наше питание, а то, как жить, когда начнется семестр. Вернее, была проблема до сегодняшнего утра. Когда Ларс сказал, что уедет в Оксфорд читать лекции, половина проблемы исчезла. Ларс будет в Англии, значит, мы с Бритт по-прежнему будем жить в Стокгольме вдвоем, только вот где? В нашей прежней квартире в СоФо, после того как Анна-Паула пыталась меня там повесить, не слишком уютно. Нужно снимать новую.

Ларс привел меня в столовую на завтрак, привычно держа за руку. Это тоже с первого дня, он словно боится отпускать меня хоть на шаг. Бритт уже разглядывала накрытый стол, как Наполеон карту предстоящего сражения.

Мы продолжали разговор, начатый еще в спальне, – о том, что пора прекратить всякий розыск Анны-Паулы, это опасно.

– Бритт! Бритт, слышишь, это и тебя касается!

– Что? – Подруга сделала вид, что даже не подозревала

о присутствии Ларса в его собственном замке. – Ой, Ларс, привет!

– Привет. Я говорил Линн о том, что Паулу уже ищут в Дании и Голландии, потому можете уgomониться. – Говорилось Бритт, но взгляд прикован к моим глазам, а бровь снова чуть приподнялась, словно подчеркивая важность произносившего.

– Мы? Да нужна она нам! Правда, Линн?

Возмущение подружки прозвучало столь фальшиво, что расхохотались втроем.

– Вот и я о том же: сидеть спокойно вы все равно не сможете, но хотя бы поймите, что в Стокгольме больше никого искать не стоит. А чтобы вы в этом убедились, вот вам телефон инспектора. Даг Вангер, он занимается убийствами Кайсы, Бригитты и Марты, а также поисками Паулы. Линн с ним знакома.

– Знакома! – Мой тон не оставлял сомнений в том, какого я мнения об инспекторе Вангере.

Ларс рассмеялся:

– Его и мучайте. Только очень прошу: не лезь к бэдээсэмщикам. И вообще никуда не лезьте, потерпите чуть-чуть.

Мы бодро обещали, глядя на Ларса честными-пречестными глазами. Он снова засмеялся:

– Как дети! Кот за двери – мыши в пляс. Ладно, теперь главный вопрос. Думаю, в квартире в СоФо жить не слишком уютно после того, что случилось.

Мы, не сговариваясь, передернули плечами:

– Да уж...

– Есть куда переехать?

– Ну... можно к бабушке на Библиотексгатан...

– Не годится, они со Свенном намерены там бывать. У меня еще есть квартира на Кунгсхольмене. Конечно, это не Эстермальм, но все же... Рядом с метро «Редхюсет».

– Это за Ратушей?

– Почти. Ну что, после завтрака отправимся посмотреть ваше новое жилье?

– Вау!

«Вау» произнесла Бритт, но это и мое любимое выражение. Ларс не утерпел:

– Линн, ты же теперь изучаешь сравнительную литературу, если хотя бы раз выпалишь ваше «вау!», испортишь впечатление о себе.

Он прав, нужно следить за собой, это Бритт, учась в дизайнерском колледже, может позволить американизмы, для меня с моим новым будущим образованием подобные выражения недопустимы.

Не все поняли мой уход из журналистики, особенно выбор нового курса. Курт Малунгер, приятель с факультета журналистики, который привел меня в издание Анны-Паулы, вообще возмущался:

– Линн, курс сравнительной литературы я еще могу по-

нять, но зачем тебе история идей? Что это вообще за профессия?

Странно, но пришлось объяснять будущему журналисту, что все развитие человечества – это развитие идей. Не войны и правление тех или иных деятелей двигали прогресс, а идеи. Если правитель способен генерировать или хотя бы поддерживать выдающиеся идеи, он станет великим, если нет – будет помянут лишь недобрым словом.

Ларс это понял, ему тоже интересна моя новая специальность. А кем я буду работать?.. Поживем – увидим.

Я размышляю об этом на яхте, пока мы плывем с острова, где замок Ларса, в Стокгольм. Ларс, заметив мою задумчивость, тут же интересуется:

- Что тебя беспокоит?
- Просто думаю, как буду догонять сокурсников.
- Догонишь, ты у меня молодец.
- Как ты думаешь, я не зря ушла из журналистики?
- Какой из тебя журналист, Линн? Ты же замучаешься, извиняясь, прежде чем возьмешь интервью. И писать будешь, миллион раз перепроверив, даже если это просто сообщение о переходе улицы в неположенном месте.

Он прав, потому я и взяла другой курс, оставив журналистику более уверенным и пробивным.

Жилье действительно оказалось новым, прямо напротив ресторана-бистро «Мастер Андерс» на углу Хантсверкагатан

и Пиперсгатан. Две спальни, объединенный холл-гостиная с кухонным уголком, хорошая душевая...

Что-то показалось мне подозрительным, я даже не могла понять, что именно, пока не осознала, что сам Ларс ведет себя в квартире словно в чужой.

– Ларс, а что на следующей улице?

Я-то знала, что именно, моя школьная подруга, когда поступила на первый курс, жила на Шеелегатан наискосок от Редхюсета – городского суда, я частенько бывала у нее и окрестности изучила. А вот Ларс явно нет. Он только пожал плечами:

– Вот, пока меня не будет, вы все выясните.

– Ты сам жил здесь когда-нибудь?

– Тебе не нравится район? Конечно, это не СоФо, даже не Эстермальм, но, по-моему, неплохо, уютно, спокойно и метро рядом.

– Угу, и Полицейское управление тоже... Когда ты купил эту квартиру?

Он рассмеялся:

– Упражняешься в детективных догадках? Недавно, я же говорил тебе, что идет ремонт. Но вам правда не стоит оставаться в той квартире, воспоминания же задушат.

– А мне нравится! – объявила Бритт.

– Мне тоже. Я просто пытаюсь понять: ты купил квартиру специально для нас?

– Что тебя в этом не устраивает? Прежде чем принимать

предложение о работе в Оксфорде, я должен точно знать, что вы здесь пристроены.

У меня на глазах выступили слезы.

– Линн, что ты?

Я лишь мотала головой, отойдя к окну:

– Нет, ничего, все в порядке.

Моя мать, даже узнав, что я побывала в больнице и на грани жизни и смерти, сочла нужным только позвонить из Италии, где задержалась после Рождества. Вернее, теперь она во Франции лечит ногти, которые у нее вдруг начали слоиться. Я понимаю, слоющиеся ногти – это важно, очень важно, но, может, стоило приехать и посмотреть, как дочь?

Отец женится на русской и еще год, а может, и больше, пробудет в далекой, страшной России, у него не просто новая жена, уже намечается и ребенок. Брату или сестричке я, конечно, рада, но как же я-то?

У бабушки теперь есть Свен, он очень хороший, однако они так заняты друг дружкой, что я начала ревновать к памяти дедушки. И снова я в стороне. Даже моя замечательная ба не подумала о том, каково мне будет находиться в той квартире, где я чудом осталась жива.

Хотя почему чудом? Жива благодаря единственному человеку, который подумал обо мне, и не только обо мне, но и о моей подруге, благодаря Ларсу.

Он все же попытался заглянуть мне в лицо:

– Ну что ты? Хочешь, я не поеду?

Я уткнулась ему в грудь и разрыдалась:

– Ларс, если ты меня бросишь, я умру!

– Хорошо, Линн, успокойся, я откажусь от Оксфорда, только не плачь, дорогая.

– Ты не понимаешь, я не о том. Ты должен принять предложение, только не забывай обо мне. Я так тебя люблю!

Бритт тактично отправилась изучать вид из окна в своей комнате.

Ларс целовал мои мокрые от слез глаза, щеки, нос, уговаривая:

– Глупышка... ну как же я могу тебя бросить... как я могу тебя забыть... моя маленькая девочка...

И мне казалось, что я действительно маленькая девочка, которая может спрятаться у него на груди от всех сложностей и опасностей этого мира. Рядом с Ларсом мне было не страшно, совсем нет. Мне не будет страшно, и когда он уедет, потому что я знаю, что он каждую минуту помнит обо мне. Это такое счастье...

– Ларс, но только при одном условии! – это Бритт.

– Что такое?

– Ты не будешь слишком задирать арендную плату за эту квартиру.

– Что?! Какую еще арендную плату?

Я уже поняла, о чем она, Бритт права, она вспомнила то, о чем я, увлекшись переживаниями, попросту забыла.

– Да, Ларс, давай оговорим плату.

– Вы издеваетесь надо мной?

– Нет, а что, стоило бы? Одно дело – гостить на острове, но это недолго, совсем другое – жить в квартире неделю за недель.

– Но я купил эту квартиру для вас. Специально, чтобы переехали из той. Ни о какой плате не может идти речи.

Мы, не сговариваясь, вздохнули:

– Значит, и о квартире тоже. Правда-правда, Ларс.

– Нет!

Я сокрушенно развела руками:

– Ничего, Бритт, неделю проживем у бабушки на Библиотексгатан, пока не найдем что-то подходящее. Ларс, ты не знаешь, соседи не сдают жилье?

– Заговор? Хорошо, я согласен, эта квартира сдается за... сотню крон в месяц!

– Э нет. Ты хочешь, чтобы мы чувствовали себя здесь нормально? Чтобы могли спать спокойно, готовить еду, учиться? Потому что за сотню крон мы будем сюда только наведываться, чтобы проверить, не оставили ли где-то включенным свет или открытым окно.

– Хорошо, но я понятия не имею, за сколько сдаются квартиры. Если будет стоимость аренды вашей предыдущей, это очень дорого для такого жилья?

Мы переглянулись с Бритт. Конечно, СоФо наш любимый район, но крошечная клетушка, которую мы снимали,

не шла ни в какое сравнение с апартаментами, предоставленными нам Ларсом. Но у него был такой растерянный вид...

– Пожалуй, не слишком. Мы согласны. Давай договор и номер счета.

– А устно договориться нельзя?

– Устно нет, ни за что!

– Садистки. А еще называется литератор и дизайнер! Да вы акулы бизнеса.

Мы сняли у Ларса квартиру за 5000 крон, договорившись платить пополам. Это очень дешево, но понятно, что больше он все равно не возьмет, хотя для Ларса это вообще карманные деньги.

В Швеции, как и в Дании и Норвегии, очень мало тех, кто выделяется. Люди вовсе не серая масса, но выделяться неприлично. Я не об индивидуальности, скорее напротив, каждый сам себе вселенная, но демонстрировать отличие собственной вселенной от соседской не принято. Как не принято быть богатым.

Абсолютное большинство – средний класс, совсем бедных и по-настоящему богатых очень мало. И теми, и другими в Швеции стать почти невозможно. Бедным быть не позволит социальная служба, готовая поддержать на приемлемом уровне всех, даже отъявленных бездельников, а богатым – налоговая служба. Общеизвестен пример Астрид Линдгрэн, у которой налоги составили 102 % от доходов. Конечно, с

тех пор, как она написала по этому поводу открытое письмо, кое-что изменилось, но принцип остался – те, у кого денег много, должны платить обществу в несколько раз больше тех, у кого их негусто.

Ларс богат, потому что он иностранец. Гражданство Швейцарии и счета в швейцарских банках позволяют платить налоги там. В Швеции он живет и тратит, а доход получает за границей. Это тоже неплохо, хотя предпочтительней и налоги платить здесь.

Его доходы позволяют иметь и содержать замок и квартиры в Стокгольме. Кстати, я до сих пор не знала, сколько их – две, три или вообще десяток. Спрашивать не хочется, будет выглядеть, словно я интересуюсь его доходами. Но мне все равно – беден Ларс или богат, я люблю его самого. Хотя богатство, конечно, приятно, оно позволяет иметь яхту, управляемую Петером, дает возможность жить в Оксфорде в пятизвездочном отеле, купить несколько платьев для меня и обувь к ним только потому, что видеть за ужином девицу в джинсах и рубашке Ларсу не нравится... да мало ли что позволяют деньги...

Надо признать, Ларс умеет ими пользоваться и не зазнается, хотя перед шведами очень трудно зазнаться, просто не поймут, но главное – он не сноб вообще. Деньги для него просто приятное дополнение к жизни.

Когда я рассказала Бритт о том, что Ларс до восьми лет вместе с дедом по матери работал на ферме, подруга ахнула:

– Он пролетарий?!

– Бритт, какой пролетарий, просто родился в Женеве, а воспитывался у дедушки с бабушкой в швейцарской деревне. И не забыл этого.

– Это замечательно, потому он и не зазнайка, – но почти тут же Бритт возразила сама себе: – Хотя чаще бывает наоборот, именно те, кто не родился богатым, а таким нечаянно стал, зазнаются больше всего.

Закончилось все кратким резюме:

– Тебе повезло!

Вот в этом я была с подругой согласна на все двести процентов. Даже на двести один. Или тысячу двести один. В общем, совершенно.

К собственному изумлению, двух дней на переезд нам хватило. Просто не хотелось оставаться в той квартире, большую часть купленных Бритт вещичек раздали приятельницам и соседям, включая Магнуса и его подругу. Она оказалась очень даже ничего, познакомься мы чуть раньше, вполне могли подружиться. И теперь можно, тем более Софи жила на Далагатан, неподалеку от дома Астрид Линдрген. Это даже ближе, чем от СоФо.

Софи помогала нам укладывать вещи. Бритт широким жестом раздала или оставила в прежней квартире почти все. Она со вздохом призналась, что несколько устала от шведского минимализма и, хотя является сторонницей хай-тека,

немного скучает по своей комнате в родительском доме. Я поняла, что это объявление о намерении превратить свою часть нового жилища в домик для Барби.

Так и произошло, любительница шведского дизайна на проверку оказалась блондинкой в законе. Я только вздыхала. Хорошо, что Ларс не видит, у него даже в замке все исключительно просто и строго.

Но Ларсу не до изменений вкуса Бритт, у него дела посерьезней.

В Оксфорде не два семестра, как у нас, а три – осенний, зимний и весенний, и это притом, что сам учебный год короче. Но рождественские каникулы тоже есть, хотя весенний семестр начинается на неделю раньше, чем у меня.

Именно этот факт заставил Ларса улететь в Лондон через день после нашего переезда, чтобы появиться в Оксфорде до начала занятий и успеть оформить необходимые документы и согласовать темы лекций и их содержание с тем самым профессором и коллегами на факультете. Читать лекции по истории Древнего мира в Оксфорде!.. Это, конечно, шикарно для столь молодого человека, как Ларс. Если бы еще не было необходимости расставаться...

Конечно, Ларс мог оплатить и мое обучение в Оксфорде, но, во-первых, я этого категорически не могла допустить, достаточно приглашения в «Ф-12» и похода в Королевскую оперу, а у самой денег на такую учебу не хватило; во-вторых, зачисление в Оксфорд проходит в конце весны – начале ле-

та; в-третьих, вдруг Ларсу придется читать лекции только в этом семестре, а потом окажется, что он должен вернуться в Стокгольм, что тогда делать мне?

Пришлось смириться с необходимостью видеть свою любовь раз в неделю. О том, что он будет прилетать не каждый уик-энд, я старалась не думать.

С другой стороны, если бы я все время жила под боком у Ларса, никакой учебы толком не получилось бы, все мои мысли были о нем. А сейчас не будут? Нет, я постараюсь учиться, мне же нужно догнать его в плане образования. Я буду посещать несколько курсов, чтобы как можно скорее набрать положенные для бакалавра 180 ECTS.

Вообще-то, 90 кредитов у меня уже были с прежних курсов. Мои кредиты по английскому и французскому не помещают, как и знание особенностей PR-компаний, но историю идей и сравнительную литературу придется начинать сначала... Ничего, я справлюсь, я тоже умная и учиться умею.

Последнюю ночь перед отъездом Ларса мы провели в квартире на Эстермальмсгатан, той самой, где когда-то была комната боли, а потом состоялся мой рождественский подарок Ларсу, и где я забыла коробочку с кольцом для помолвки под елкой.

Елки нет, коробочки тоже. Что это означает, будет ли она вообще?

Думать об этом не хочется, Ларс завтра улетает – вот доминирующая мысль.

Надо ли объяснять, во что превратилась эта ночь?

Сначала церемония раздевания. Его глаза, не отрываясь, смотрят в мои, а пальцы медленно-медленно расстегивают одну пуговичку рубашки за другой... Обнаружив, что я без бюстгальтера, Ларс чуть улыбается:

– О... запомнила.

Я глубоко вздыхаю, чтобы взять себя в руки, и берусь за его рубашку так же пуговичка за пуговичкой. Ноздри его носа дрожат от возбуждения. Ларс позволяет снять с него рубашку, но потом берется за меня. И снова «О...», потому что я заменила небольшие вставки в сосках на колечки. Тоже небольшие, но все равно заметные. Может, стоило вставить те самые щиты с мечами?

Я не могу долго размышлять о своем просчете, потому что Ларс принимается за мою грудь. И снова я, как в самый первый раз там, в замке, стою, припертая к стенке с руками в неснятых полностью рукавах, заведенными за спину, и пытаюсь не грохнуться в обморок от избытка чувств, вызванных его губами, хозяйничающими над моей грудью. Это далеко не первая наша ночь, но каждая словно впервые. Восторг!

– Ларс...

– Да, дорогая?

Все, как тогда. Но тогда он меня отпустил, испугавшись сам себя, а теперь волшебство продолжается.

За грудью следуют губы. Я не знаю, сколько времени мы целуемся, время до утра у нас еще имеется. Но тратить его на поцелуи в душе...

Освободив руки от рукавов, я берусь за молнию джинсов Ларса.

В ответ Ларс берется за мою. Горячие губы шепчут на ухо:
– Ты научилась давать понять, что хочешь меня? Молодец.

Я готова орать, что хочу, но рот снова закрыт поцелуем. Мы освободили друг дружку от брюк довольно ловко. Когда Ларс повернулся, я впервые заметила на его боку шрам.
– Что это?

– Это давнишнее, с детства. Если бы ты меня не боялась, то давно заметила бы.

Потом Ларс несет меня в бывшую комнату боли, чтобы поваляться на кожаном монстре. Что мы и делаем на расстеленном полотенце, моем, между прочим.

Голос змия-искусителя интересуется:

– Ты не находишь, что сюда стоит кое-что вернуть?

– Угу... – я счастливо и почти сонно улыбаюсь.

– Эй, не спать! У меня еще большая программа.

Сообщение о программе прогоняет мой сон моментально, глаза сами собой распахиваются. Ларс хохочет:

– Я же говорил, что развратница! Сексом запахло, сразу проснулась. Может, я имел в виду игру на рояле? Не-ет... Сейчас ты у меня будешь стонать и кричать так, что сбежится

весь дом. Заподозрив, что я тебя пытаю, вызовут полицию, а тут ты – обнаженная и распятая...

– Ларс...

– Затянула знакомую песню. Я очень хочу внимательно изучить твоё тело, чтобы запомнить получше.

Я смущенно бормочу что-то вроде «зачем?». В ответ получаю:

– Чтобы вгонять тебя в краску звонками из Оксфорда. Да, я такой... Позвоню в самый неподходящий момент, когда ты будешь на лекции, и начну рассказывать, что я с тобой делаю...

– Нет!

– Угу. Например... Кстати, запоминай, когда я буду повторять это по телефону, будешь представлять.

Я уже догадываюсь, что мне предстоит, потому краснею. Он смеется:

– Покрасней, покрасней. И это тоже стоит запомнить. Итак... перевернем тебя на живот... разложим руки в разные стороны... ты запоминаешь ощущения?

Да, я уже кручусь ужом от испытываемого возбуждения, потому что он действительно раскладывает мои руки и прикрепляет к оставшимся кольцам подиума. Зря я думала, что комната боли исчезла, убраны только самые явные инструменты для жесткого БДСМ, пожалуй, того, что осталось, хватает для занятий отнюдь не ванильным сексом. Кольца у подиума тому пример.

Вот хитрец! Но я совсем не против, наоборот, жажду продолжения.

Оно не заставляет себя ждать.

– Так... ноги пока закреплять не будем, у нас все впереди. Сначала массаж. Ты любишь, когда тебя массируют...

Я не успеваю промурлыкать «да», как получаю продолжение:

– ...флоггером?

– Ларс?!

– Да, дорогая. Флоггер будет обязательно. Тебе завтра на занятия не идти, сидеть не обязательно, потому выпорю я тебя покрепче. Но, кроме того, – он наклоняется к моему уху и сообщает почти по секрету, хотя от кого здесь секретничать, – натолкаю вагинальных шариков и вставлю плаг. Хочу, уехав, знать, что у тебя все везде занято.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.